

рамках нынешних Курской и Белгородской областей насчитывалось 1020 действующих православных церквей, то к 1940 было всего около 40... на 1 июля 1945 года в области действовало 249 церквей и 69 моельных домов, в которых служило 313 священников и 21 диакон» (18, 110, 115). «Уже в первые месяцы войны в СССР началось стихийное движение за открытие церквей... В городах и селах страны созывались собрания верующих, на которых избирались исполнительные органы и уполномоченные по ходатайствам по открытию храмов... «Пока не следует давать никаких разрешений на открытие церквей... В последующем по вопросу открытия церквей входить за санкцией в Правительство и только после этого спускать указания в облисполкомы. Открыть церкви в некоторых местах придется, но нужно будет сдерживать решение этого вопроса Правительством», — было заявлено осенью 1943 года наркомом В.М. Молотовым в откровенном разговоре с председателем созданного Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карповым (39, 32).

Из недавно рассекреченных документов из личного фонда В.М. Молотова стало известно, что «за 1944—45 гг. по Союзу поступило от групп верующих 6770 заявлений об открытии церквей (не считая повторных)... открыто 529 церквей. Таким образом, удовлетворено... 9,8% всех рассмотренных ходатайств» — в то время как «недействующих церквей, по неполным данным, в Союзе учтено 16797, из них занято для хозяйственных и культурных надобностей 13844 и неперестроенных и незанятых — 2953 здания (17, 79). «Патриарх и епархиальные управления поставили перед Советом вопросы о возвращении некоторых «мощей» и «чудотворных» икон из числа находящихся в музеях. Мнение Совета по этому вопросу отрицательное», — сообщалось в служебной записке Г.Г. Карпова, что свидетельствовало о том, что Правительство, как и Совет, «игнорировало духовные запросы верующих масс и священнослужителей» (39, 32).

В сентябре 1943 г. возобновилось издание «Журнала Московской Патриархии», главным редактором которого стал Патриарх. «На его страницах — в посланиях, проповедях, статьях и заметках — из месяца в месяц проводились мысли о героизме русского народа, о величии его жертвенного подвига в освободительной войне, о славных традициях русского патриотизма. Печатались многочисленные материалы о вопиющих к небу преступлениях фашистов, о их звериной злобе к русскому народу» (6, 293). «Неслыханно страшное лицо

варвара, топчущего ногами Святое Евангелие и вторично распинающего Христа» (17, 25) предстает перед нами в статье «Кровавый мрак фашизма» архиепископа Луки (Войно — Ясенецкого): «Как мне изгладить из памяти четыре страшных фотоснимка всей процедуры повешения пяти подростков и юношей, срывающихся с петли и опять вешаемых?... Кто поднимет голову мою? Она низко опустилась и не может подняться от тяжкого гнета воспоминаний о двухстах пленных красноармейцах, заживо сожженных в Вереysком соборе, в алтаре и на амвоне, о разрушении святой Киево — Печерской лавры, Новгородского собора Св. Софии и сотен храмов наших, руинах и пепле тысяч городов и селений, о миллионах разоренных, ограбленных и обреченных на голод людей, детей, маленьких, милых наших детей. О, как страшны их страдания, с каким недоумением смотрят огромные невинные глазки трехлетнего ребеночка с оторванной бомбой ножкой...» (20, 24).

Горестное негодование пронизывает строки опубликованного отзывает «Немецкие злодеяния в Петергофе и Пушкине»* митрополита Алексия, который 28 января 1944 г. в составе областной комиссии по расследованию зверств и ущерба, нанесенного вражеской оккупацией, посетил освобожденные пригороды Ленинграда, бывшие некогда «средоточиями мировых памятников художества и непревзойденного искусства». Митрополит Николай, известный москвичам своими «изумительно вдохновенными, глубоко содержательными проповедями» (8, 111), 2 ноября 1942 г. был утвержден одним из 10 членов Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецких злодеяний, посетил многие подвергшиеся неприятельской оккупации места, стал свидетелем поругания и разрушения многих национальных святынь и памятников культуры. В статье «Фашисты — злейшие враги культуры» он писал: «...я посетил летом этого года Ясную поляну в Тульской области и лично видел тяжелые следы чисто бандитского и садистского осквернения и разграбления фашистскими зверями этого заветного уголка, дорогого каждому русскому сердцу, каждому культурному человеку всего мира. Я побывал в Калуге и осмотрел разграбленный немецкими мерзавцами домик-музей великого новатора науки Э.К. Циолковского. Священный гнев колокотал в моей груди. В г. Сычевке Смоленской области я стоял, с вол-

*ЖМП, 1944, №2, с. 19—22.